Автор: admin
02.07.2010 09:47 -

III

Персона как часть коллективной души

В этой главе мы подходим к проблеме, которая, если ее проглядеть, может послужить причиной величайшей неразберихи. Вспомним, что при анализе личного бессознательного первыми к сознанию прибавляются личные содержания, и я предложил назвать эти когда-то вытесненные, но допускающие осознание содержания *личным бессознательным.*
Я также показал, что присоединение более глубоких слоев бессознательного, названных мною
коллективным бессознательным,
вызывает расширение лич-ности, ведущее к состоянию инфляции. Это состояние достигается простым продолжением аналитической работы, как это имело место в рассмотренном выше случае молодой женщины. Про-должая анализ, мы добавляем к личному сознанию целый ряд фундаментальных, общих и безличных характеристик рода че-ловеческого, вследствие чего и вызывается та уже описанная мною инфляция (Этот феномен, который происходит п результате расширения
со
знания, вовсе не специфичен для аналитическом терапии. Он встречается всякий раз, когда людей одолевает знание или новое понимание. «Знание надмевает», — пишет Павел коринфянам [1 Кор. 8:1], ибо новое знание вскружило головы многим, что, фактически, происходит постоянно. Инфля-ция не имеет ничего общего с характером знания, но связана исключительно с тем обстоятельством, что всякое новое знание может настолько завладеть слабой головой, что человек уже ничего другого не видит и не слышит. Знание его гипнотизирует, и он тут же начинает верить, будто разгадал тайну вселенной. Но это всего лишь ужасное самомнение. Этот процесс представляет собой настолько общую реакцию, что в Бытии [2:17] вкушение от древа познания изображается как смертный грех. Сразу, может быть, и не ясно. почему большего сознания, сопровождаемого самомнением, следует так опасаться. Книга Бытия представляет акт становления сознательным как нарушение табу, как если бы знание означало, что кто-то неблагочестиво перешагнул некий священный барьер. Я думаю, что Книга Бытия права. поскольку каждый шаг в направлении большего сознания является чем то вроде прометеевой вины: посредством знания богов, так сказать, лишали их огня. Другими словами, то, что было собственностью бессознательных сил, вырывается из своей естественной обстановки и подчиняется прихотям сознательного ума. Человек, узурпировавший новое знание, претерпевает, однако, преобразование или увеличение сознания, которое теперь уже не имеет сходства с сознанием его ближних. Он поднялся выше человеческою уровня своего поколения («и станете, как Бог», «
ye
shall
become
like

unto
God
»
(англ.). — Прим. пер.),
но тем самым и отдалился от людей. Мука этого одиночества — месть богов, ибо никогда больше он не сможет вернуться назад, к людям. Он, как гласит миф, прикован к одинокой скале на Кавказе, покинутый Богом и людьми.), которую, вероятно, можно рассматривать как одно из неприятных последствий становления полностью созна-тельным.

С этой точки зрения сознательная личность есть более или менее произвольная часть коллективной души. Она заключается в сумме психических фактов, которые некто считает личными. Определение «личный» означает «принадлежащий исключительно этому частному лицу». Сознание, которое целиком и полностью является личным, с известной тревогой подчеркивает свое ис-конное право и право частной собственности на свои содержания, стремясь таким образом создать видимость целого. Что касается содержаний, отказывающихся втискиваться в это целое, то с ними поступают двояко: либо не обращают внимания и забывают об их существовании, либо вытесняют и отрицают. Это обычный способ самовоспитания, но он слишком произволен и насиль-ствен. Слишком многим из нашей общечеловеческой природы приходится жертвовать в интересах идеального образа, по кото-рому человек пытается сформировать себя. Отсюда, эти безуп-речно «личные» люди всегда очень чувствительны к происходя-щему, ибо легко может случиться нечто такое, что внесет в сознание нежеланную часть их подлинного («индивидуального») характера.

Эту произвольно, хотя и часто с большим трудом формиру-емую часть коллективной души я назвал *персоной* (persona). Термин *персона* в самом деле весьма подходящее для этого выражение, ибо первоначально юно означало маску, которую когда-то одевали актеры, чтобы обозначить исполняемую ими роль. Если же мы попытаемся провести точную границу между тем психическим материалом, который следует считать личным, и тем, который следует считать безличным, то вскоре окажемся в величайшем затруднении, ибо, по определению, мы обязаны сказать о содержаниях персоны то же самое, что уже было сказано о безличном бессознательном, а именно, что они кол-лективны. Только потому что персона представляет более или менее произвольную и случайную часть коллективной души, мы и можем заблуждаться, ошибочно расценивая ее in *toto* как нечто индивидуальное.
Но персона, о чем свидетельствует ее название, является лини. маской коллективной души, той маской, что *симул ирует индивидуальность,*
заставляя других и самого ее об-ладателя поверить в то, будто он индивидуален, тогда как он просто играет роль, через которую говорит коллективная душа.

Когда мы анализируем персону, мы сдираем маску — и обнаруживаем: то, что казалось индивидуальным, по сути своей коллективно, или, говоря иначе, персона была только маской коллективной души. В принципе, маска и нереальна вовсе: она лишь компромисс между индивидуумом и обществом в отно-шении того, каким человек должен быть с виду. Он делает себе имя, заслуживает титул или звание, выполняет некие обязанности, и вообще — он то один, то другой. В известном смысле все это — реально, и все-таки, в отношении составляющей сущность данного лица индивидуальности, это — вторичная реальность, в создании которой другие часто принимают большее участие, чем само заинтересованное лицо. Персона есть видимость, реальность, имеющая два измерения [= личина. — *А. А.*], если уж давать ей прозвище.

Было бы неправильно оставлять обсуждаемый вопрос в чем виде, как он поставлен, не признан одновременно, что и конце концов есть нечто индивидуальное в конкретном выборе и очер-чивании персоны и что, несмотря на исключительную тождест-венность эго-сознания и персоны, бессознательная самость — действительная индивидуальность человека — всегда присутствует и дает о себе знать если не прямо, то косвенно. Хотя эго-сознание на первый взгляд тождественно персоне — той компромиссной роли, в которой мы выставляем себя перед обществом, бессоз-нательную самость все же невозможно вытеснить до конца. Ее влияние обнаруживается, главным образом, в особого рода контр-астирующих и компенсирующих содержаниях бессознательною. Чисто личная позиция сознательного ума вызывает со стороны бессознательного реакции, которые, вместе с личными вытеснениями, содержат в себе зачатки (seeds) индивидуального развития под видом коллективных фантазий. Благодаря анализу личного бессознательного, сознательная психика покрывается коллектив-ным материалом, который приносит с собой элементы индивидуальности. Я полностью осознаю, что этот вывод должен быть скорее всего совершенно непонятен любому, кто не знаком с моими взглядами и методикой работы, и особенно тем, кто привык рассматривать бессознательное с точки зрения фрейдов-ской теории. Но если читатель вспомнит мой пример со сту-денткой философии, то сможет создать у себя приблизительное представление о том, что я имею в виду. В начале лечения пациентка совершенно не сознавала того, что ее отношение к отцу было фиксацией и что поэтому она искала похожего на своего отца мужчину, на котором затем могла бы испытать спои интеллект. Само по себе это не было бы ошибкой, если бы ее интеллект не носил того сугубо опротестовывающего характера.

каковой, к несчастью, столь часто встречается у интеллектуальных женщин. Такой интеллект всегда нацелен на поиск и указание ошибок другим; ему присуща чрезмерная критичность, с непри-ятно задевающим личным оттенком, однако его обладательницы претендуют на то, чтобы всегда считаться объект иными. Муж-чину это неизменно раздражает, особенно если критика, как это часто бывает, касается какого-то слабого

места, разговор о ко-тором, в интересах плодотворности диалога, лучше было бы вообще не заводить. Но в том и заключается несчастливая особенность этого женского интеллекта, что он нацелен не на плодотворный диалог, а на выискивание у мужчины слабых мест с тем, чтобы прицепиться к ним и доводить партнера до белого каления. Справедливости ради, следует заметить, что обыч-но женщина не ставит себе такой сознательной цели, а имеет скорее бессознательное намерение заставить мужчину занять выс-шее положение, и тем самым превратить его в объект восхищения. Мужчина, как, правило, не замечает, что ему навязывают роль героя; ему настолько претят «шпильки» своей партнерши, что, избавившись от нее, он постарается никогда больше не встре-чаться с этой дамой. В конце концов, единственный способный вынести ее мужчина — это тот, кто уступает с самого начала, а значит и не представляет из себя ничего такого, чем можно было бы восхищаться.

Размышляя над всем этим, моя пациентка, естественно, многое для себя открыла, ибо она понятия не имела об игре, в которую играла. Кроме того, ей нужно было еще разглядеть настоящий роман, который разыгрывался между ней и отцом с самого детства. Нас слишком далеко завело бы подробное описание того, как уже с самых ранних лет, с бессознательным сочувствием, она играла на теневой стороне отца, которую ее мать никогда не сознавала, и как она стала, задолго до отведенного ей срока, соперницей матери. Все это вышло на свет в ходе анализа личного бессознательного. Поскольку, хотя бы только по про-фессиональным соображениям, я не мог позволить себе раздра-жаться, То неизбежно превратился в героя и отца-возлюбленного. Поначалу перенесение тоже состояло из содержаний личного бессознательного. Моя роль героя была просто бутафорией и потому, поскольку благодаря ей я превращался в чистейший фантом, пациентка могла играть свою традиционную роль умуд-ренной жизнью, не по годам зрелой, все понимающей матери-дочери-возлюбленной — пустую роль, персону, за которой скры-валась ее реальная и подлинная жизнь, ее индивидуальная са-мость. Ведь в той степени, в какой она сначала полностью идентифицировалась со своей ролью, она совершенно не сознавала свою подлинную самость. Она все еще оставалась в своем рас-плывчатом инфантильном мире и пока вообще не открыла для себя реальный мир. Но по мере того, как она, благодаря по-степенному анализу, стала сознавать существо своего перенесения. начали претворяться в жизнь те сновидения, о которых я говорил в главе 1. Они поднимали наверх частицы коллективного бес-сознательного, — и это было концом ее инфантильного мира вместе со всей высокопарной риторикой. Она пришла в себя и к себе, то есть к своим собственным реальным возможностям. Таков приблизительный ход вещей в большинстве случаев, если анализ заходит достаточно далеко. То, что сознание ее индиви-дуальности так точно совпадает с реактивацией архетипического образа Бога, вовсе не случайное стечение обстоятельств, а весьма часто событие, которое, на мой взгляд, соответствует закону бессознательного.

После этого отступления давайте вернемся к нашим предше-ствовавшим ему

размышлениям.

В том случае, если личные вытеснения освобождаются из бессознательного плена, сплавленные вместе индивидуальность и коллективная душа начинают выходить наружу, тем самым освобождая ранее вытесненные личные фантазии. Появляющиеся теперь фантазии и сновидения принимают несколько иной вид Верным признаком коллективных образов, по-видимому, служит появление «космического» начала; другими словами, образы сно-видения или фантазии в этом случае связаны с космическими качествами, например, временной и пространственной бесконеч-ностью, огромными расстояниями, преодолеваемыми с немыс-лимой скоростью, «астрологическими» ассоциациями, теллури-ческими, лунарными и солярными аналогиями, изменениями размеров тела и т. д. Очевидные случаи появления в сновидениях мифологических и религиозных мотивов также указывают на активность коллективного бессознательного. Коллективное начало весьма часто заявляет о себе через своеобразные симптомы (Возможно, нелишне заметить, что коллективные элементы в сновидениях появляются отнюдь не только на этой стадии аналитической терапии. Существует множество психологических ситуаций, в которых активность коллективного бессознательного может выйти на поверхность. Однако, здесь не место вдаваться в обсуждение этих сост ояний.) , например, когда кому-то снится, будто он летит, подобно комете, сквозь космическое пространство; будто он — Земля, Солнце или какая-то звезда; будто его тело огромно или, наоборот, микроскопически мало, а то — будто он умер, находится в неизвестном месте, не знает, кто он, не знает, что делать, сошел с ума и т. д. Подобным же образом, вместе с симптомами инфляции могут появляться чувства дезориентированности, го-ловокружения и т. п.

Прорывающиеся из коллективной души силы производят сби-вающее с толку и ослепляющее действие. Распад персоны од-нозначно вызывает высвобождение непроизвольной фантазии, которая, видимо, есть не что иное, как специфическая активность коллективной души. Эта активность извергает такие содержания, о существовании которых человек никогда прежде не догадывался. Но вместе с усилением, влияния коллективного бессознательного ослабевает руководящая власть сознательного ума. Он незаметно становится ведомым, в то время как бессознательный и безлич-ный процесс берет руководство на себя. И тогда сознательная личность, не замечая этого, передвигается подобно фигуре на шахматной доске под рукой невидимого игрока. И именно этот игрок определяет партию судьбы, а не сознательный ум со своими планами. В приведенном выше примере разрешение переноса, казавшееся сознательному уму просто невозможным, было осуществлено как раз этим путем.

Попадание под влияние бессознательного процесса становится неизбежным всякий раз, когда возникает необходимость преодо-ления на вид непреодолимого затруднения.

Само собой разуме-ется, что эта необходимость появляется не у каждого больного неврозом, поскольку, возможно, в большинстве случаев главным соображением оказывается всего лишь устранение временных трудностей адаптации. Разумеется, явно тяжелые случаи не под-даются лечению без глубокого изменения характера или уста-новки. В гораздо же большем числе случаев адаптация к внешней действительности требует так много труда, что внутренней адаптации к коллективному бессознательному просто не удается уделить внимания в течение довольно долгого времени. Зато в тех случаях, когда эта внутренняя адаптация становится проблемой, от бессознательного исходит какое-то удивительное, непреодолимое притяжение, которое оказывает мощное влияние на сознательную линию жизни. Превосходство бессознательных влияний вкупе со связанными с ним распадением персоны и лишением сознательного ума власти образует состояние психической неустойчивости, вызываемое при аналитическом лечении искусственно, с терапевтической целью: устранить препятствия, могущие сдерживать дальнейшее развитие. Конечно, существует бесчисленное множество препятствий, которые можно преодолеть с помощью доброго совета и моральной поддержки, при условии доброй воли и понимания со стороны пациента. Этим путем можно добиться отличных лечебных результатов. Не так уж редки случаи, где вообще нет никакой нужды заводить разговор о бессознательном. Но, с другой стороны, существуют затруднения, в отношении которых нетрудно предвидеть невозможность удовлетворительного разрешения. Если в этих случаях психическое равновесие не нарушается еще до начала лечения, то это обязательно происходит во время анализа, и иногда, без какого-либо вмешательства со стороны врача. Часто кажется, словно эти пациенты только и ждали появления вызывающего доверие человека, чтобы тотчас же отказаться от борьбы и пасть духом.

Такая утрата равновесия, в принципе, сходна с психологическим нарушением: то есть, она отличается от начальных стадий психического заболевания только тем, что в конечном счете приводит к улучшению здоровья, тогда как последнее — к еще большему его разрушению. Это — состояние паники перед лицом на первый взгляд безнадежных осложнений. Обычно ему предшествовали отчаянные попытки силой воли справиться с затруднением; затем наступало крушение надежд, — и некогда руководящая воля полностью распадалась. Высвобожденная в результате этого распада энергия теряется сознанием и переходит в бессознательное. Фактически, первые признаки бессознательной активности появляются как раз в такие моменты. (Я сразу вспоминаю случай *с* юношей, явно обделенным крепким умом и силой духа.) Очевидно, та энергия, что уходила из сознания, активировала бессознательное. Непосредственный результат — изменение ус-тановки. Легко можно себе представить, что более сильный человек, окажись он на месте этого юноши, воспринял бы то же видение звезд как знак возможного исцеления и посмотрел бы на человеческое страдание *sub specie aeternitatis (*С точки зрения вечности *(лат.). — Прим. пер.),*
и каковом случае его душевное равновесие было бы восстановлено.

Случись так, качавшееся непреодолимым препятствие было бы устранено. Исходя из этого, я считаю, что такая утрата равновесия служит определенной цели, поскольку приводит к замещению дефектного сознания автоматической и инстинктив-ной деятельностью бессознательного, которая все это время на-целена на создание нового равновесия и, следует заметить, обычно достигает этой цели, при условии, что сознательный ум в со-стоянии ассимилировать производимые бессознательным содер-жания, то есть способен понять и переварить их. Если бессоз-нательное просто деспотически командует сознательным умом, то развивается психотическое состояние. Если же бессознатель-ному не удается ни безраздельно господствовать, ни даже быть понятым, то результатом будет конфликт, деформирующий все дальнейшее продвижение вперед. Однако в вопросе понимания коллективного бессознательного мы сталкиваемся с огромной трудностью, которую я сделал предметом обсуждения в следу-ющей главе.